

ПИСЬМО А.Д. СИНЯВСКОМУ

Уважаемый Андрей Донатович,

Не откажите в любезности опубликовать в следующем номере Вашего журнала этот мой ответ на Вашу критику моей статьи. Простите неудачную игру слов, но у этой комической ситуации серьезная подоплека, что и заставляет меня обратиться с открытым письмом. В самом деле, я с большим удивлением прочитал Вашу речь в 10-ом номере "Синтаксиса" (произнесенную два года назад, но опубликованную только теперь и не утратившую своей актуальности), речь, почти вся первая часть которой построена на полемике с моей статьей ("Континент" № 25), прочитал, говорю, с удивлением, потому что увидел, что большинство Ваших стрел прошло по касательной, а я знаю Вас как человека, который обычно очень метко попадает прямо в цель. Вы странным образом прошли мимо некоторых аспектов затронутой проблемы, и как раз тех, которые составляют самую суть моей позиции, а раз так, значит сама тема содержит в себе еще много неуясненного, и это побуждает к продолжению разговора.

Вы говорите: полнота правды, предлагаемая Ю. Мальцевым в виде пробного камня, не является единственным критерием художественного достоинства книги. Без сомнения это так, в большинстве даже случаев. Но о каком случае я говорю? Позволю себе процитировать себя: "Са-

ми эти писатели считают себя продолжателями реалистических традиций русской классической литературы, следовательно, здесь и следует искать верный критерий оценки. Не в творческой оригинальности, не в тонкости и изысканности мастерства, не в "красоте непостижимой" (по Фету). В самом деле, если мы оглянемся назад, то увидим, что по сравнению с достижениями русской литературы начала века эта нынешняя промежуточная литература представляет собой шаг назад. Во всем, что касается техники письма, культуры выражения, эстетического кругозора и творческой фантазии — явный регресс. Следовательно, остается критерий реализма, то есть правды. Но этого-то испытания промежуточная литература и не выдерживает".

То есть я сконцентрировал свое внимание на вполне определенном сорте литературы, являющимся сегодня господствующим и едва ли не единственным во всей подцензурной печати (ведь Битов, Искандер, Аксенов и Попов уже вышли из ее затхлых казематов на простор вольного слова). Хотя вообще-то говоря с вопросом о "правде" все обстоит не так уж просто. Меня поразило Ваше утверждение о том, что политика, мораль, философия, и даже религия, и даже "правда" есть нечто постороннее искусству. Помилуйте, но если все это исключить, то что же останется? Голое жонглирование словесами? Не есть ли это Ваше утверждение лишь плод полемической запальчивости? Ведь Ваши собственные книги, как и всякое большое искусство, несут в себе сплав всего этого. Что же касается "правды", то я думаю, если мы углубимся в психологию восприятия искусства, то обнаружим, что ощущение правды является неотъемлемым компонентом любого эстетического суждения, наше принятие или отталкивание в конечном счете диктуется нашим чувством правды и подлинности: мы говорим о правде художественного образа, о правде чувства, о правде выражения и т.д. Но это ведет нас в теоретические дебри и отвлекает в сторону. Вернусь к теме, то есть к современной подцензурной литературе.

Так вот, если принять во внимание, что существует такая литература, которая ставит своей целью запечатление, во всей их специфике, наших условий существования (а только по отношению к такой литературе, и лишь к ней

одной, я позволил себе выдвинуть критерием оценки правду), и если предположить, что такая литература вообще имеет право на существование, что она есть нечто серьезное и достойное внимания, тут-то и возникает главный вопрос — о задаче этой литературы сегодня. И я думаю, что выскажу нечто само собой разумеющееся, если скажу, что задачей ее является запечатление неслыханной уникальности нашей ситуации, запечатление ошеломляющей новизны ни на что не похожих условий существования советского человека, небывалой деформации его психики и всего его внутреннего мира и, конечно же, проникновение в смысл этого нового вида жизни. Наша вольная, неподцензурная литература с трудом, постепенно и очень медленно, приближается к выполнению этой задачи, вернее, к самому лишь началу такого выполнения, давая первые скромные опыты, что же касается подцензурной литературы, то она просто-напросто занимается подлогом. Когда я читаю в западной прессе (да что там западной! даже в наших эмигрантских журналах, и в Вашем в том числе) дифирамбы Трифонову, деревенщикам и прочим псевдореалистам, я испытываю страдание. Страдание от глубочайшей несправедливости и оттого, что все шире распространяется и узаконивается обман.

Чтобы пояснить мою мысль, приведу конкретный пример: попробуйте сравнить недавно переизданную, но написанную еще 30 лет назад книгу Чеслава Милоша "Пленный ум" с книгами Трифонова, попробуйте сравнить тот уровень отображения психологии человека тоталитарного общества и уровень проникновения в нее с трифоновщиной Трифонов, несомненно, представляет собой огромный интерес для анализа, но только лишь как образец именно пленного ума. Какое захватывающее исследование можно было бы написать о психологии творчества советского талантливый коллаборациониста, о попытках примирить голос собственной совести с собственным инстинктом самосохранения и самоцензуры, о попытках обмануть самого себя и читателя, представляя дело так, будто он описывает именно то, что его интересует больше всего, и вовсе не обходит стороной то, что ему на самом деле хотелось бы больше всего написать (история старого большевика без истории краха его мировоззрения) — психоанализ еще не

сталкивался с таким комплексом загнанных внутрь желаний и помыслов. Но такой анализ, видимо, не по силам нашим критикам, они предпочитают петь дифирамбы.

И дело, конечно, не в том, чтобы сводить литературу к политике. Хотя грани тут очерчивать становится уже почти невозможно, ведь сама жизнь наша, сам образ ее стал политикой, и это тоже одно из насилий, совершенных над нашей жизнью. И конечно нелепо, как Вы говорите, требовать, чтобы писатель непременно открыто противостоял государству — это безнравственно. Несомненно. Каждый "выбирает себе крест по размеру". Но каждый же должен быть назван его собственным именем. Этого требует справедливость. И если безнравственно требовать героизма, то еще безнравственнее закрывать глаза на подлог, выдавать титул "реалиста" псевдореалисту, уравнивать в "смелости изображения" коллаборанта, со всеми его комплексами неполноценности, и того, кто решается принять риск свободы со всеми ее страшными (для подсоветского человека) последствиями.

Я понимаю, что эти мои слова вызывают отвращение у Вас, при Вашей тяге к совершенно иным проблемам и к иного рода литературе, но коль скоро в сегодняшней русской литературе все эти вещи имеют такой вес, никуда и нам от этого не уйти. Да и сами эти вещи кажутся убогими и неэстетическими (далекими от подлинного искусства) именно потому, что даются они на таком низком уровне в советской литературе и в большей части литературы неподцензурной, поднятые же на большую духовную высоту они могут и должны стать предметом великого искусства нашего времени, если только Россия еще способна породить такое искусство, а не обречена остановиться на нашем нынешнем ничтожестве.

При сем остаюсь с глубочайшим почтением

Ваш Юрий Мальцев